КУЛЬТУРА СЕМЬИ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ РЕГИОНА

И.А.Разумова

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕМЬИ НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ (ПО ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)[1]

Проблематика и предметная область

Проблемное поле современных исследований семьи чрезвычайно широко: констатация «кризиса семьи» все чаще опровергается не только теоретическими, но и эмпирическими исследованиями, согласно которым семья устойчиво занимает высшие позиции в рейтингах ценностей. Признанная самым консервативным социальным институтом, семья в условиях ускоренной модернизации обнаружила исключительную адаптивность, способность к переорганизации функций и тенденцию к многообразию форм, а, следовательно, высокий уровень культурного развития. К основным проблемам функционирования семьи как носителя культуры относится противоречие между неуклонным развитием глобализационного процесса и объективной потребностью общества в сохранении многообразия культур, поскольку только их взаимодействие создает системную целостность и обеспечивает функционирование социальных объектов.

В связи с этим ключевыми вопросами при изучении семейной культуры следует признать следующие:

сохраняет ли семейно-родственное сообщество функцию передачи этнокультурной информации в современных условиях и конкретных региональных обстоятельствах;

какую роль играет семейная культура в социальных (социокультурных) изменениях.

Если учесть, что семья «отвечает» за формирование личности, ответ, казалось бы, очевиден. Но это лишь один аспект, связанный с ответственностью семьи перед обществом. На конкретном материале еще предстоит выяснить в состоянии ли, в каких формах и в какой степени семейные культурные ценности могут стать общественным достоянием. Оказывает ли семья (ее потребности, установки) в конкретной современной общественной ситуации какое-либо влияние на функционирование социокультурных институтов: образования, СМИ, искусства, культурно-просветительских учреждений и пр.? Наконец, первостепенный этнографический (социально-антропологический) интерес связан

[1]Статья выполнена в рамках проекта «Семейно-родственные общности как агенты культурных инноваций» при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

с тем, как в рамках семьи перерабатываются традиции разных народов и регионов, города и села, профессиональных и локальных сообществ и создаются новые.

Несмотря на видимую ясность и общеупотребительность понятий «семейная культура», «этнокультура» и подобных, у исследователей того, что принято называть семейными традициями, остаются не до конца решенными вопросы теоретико-методологического характера. В силу этого обращение к этнокультурному аспекту изучения семьи требует прояснения исследовательской позиции во всем, что касается объектно-предметной области. Для этого минимально достаточным является понимание культуры как искусственной жизненной среды, имеющей социальную природу и символическое выражение. В расширенном и одновременно специализированном по отношению к нашему объекту определении культура семьи является совокупностью моделей поведения и коммуникации, которые оформляют жизнедеятельность группы, а также результатом культуротворческой деятельности семьи в единстве его овеществленных и ментальных феноменов. Семью следует рассматривать как коллективного носителя культурной традиции определенного общества, в котором она существует и к которому принадлежит. Вместе с тем, культура каждой семейной группы в чем-то уникальна. Семья 1) адаптирует, 2) модифицирует, 3) использует, 4) создает, 5) передает культурные ценности [The Family and its Culture, 1987, с.281; Ясевич, 1990, с.202]. На то, как реализуются эти культурные функции, влияет совокупность факторов: условия макро- и микросреды, демографическая и ролевая структура семьи, социо-профессиональный статус ее членов, этническая принадлежность, место проживания и др.

Определяя понятие «семейная культурная среда», Э.А.Орлова предложила следующие ее измерения: место членов семьи в системе общественного разделения труда; предметно-пространственное окружение семьи; социально-символические (сетевые) отношения семьи [Орлова, 1998, с.42]. Обратим внимание на то, что все указанные измерения и соответственно само понятие связаны при таком подходе с внешними условиями жизнедеятельности семьи. Вместе с тем, если исследовательский фокус рассматривает семью как социальную общность, то, по справедливому утверждению А.А.Клецина, «форма и содержание семейной жизнедеятельности должны рассматриваться системно не с точки зрения включенности семьи в другие системы, а имея во главе угла реальность относительно автономного существования семьи, как от структур общественного устройства, так и от пространства индивидуального микрокосма» [Клецин, 2000, с.93-94]. Культура семьи, в этой связи, представляет форму ее социальной организации, способ осуществления семейной деятельности. Результатом деятельности выступает «культурный продукт» – формируемая семьей внутренняя среда, материально-предметная и духовная. К последней относятся идеи, представления, связанные с жизнью семьи и реализуемые в словесных и прочих формах – повседневных, ритуально-праздничных, игровых, мемориальных.

В соответствии с утвердившимся современным социологическим подходом семья как институт и малая группа основывается на отношениях супружества, родительства и родства. Поэтому в качестве важных элементов семейной культуры должны быть рассмотрены формы заключения брака (прежде всего обычно рассматривается брачный ритуал) и характеристики супружеских отношений. В связи с отношениями родительства исследуются

практики, нормы, ценности, представления, связанные с рождением детей и уходом за ними, а также традиции воспитания (семейная культура репродукции и социализации). Семейные структуры тесно переплетаются с расширенными родственными сетями, вследствие чего анализ родственных связей, их роли в жизни семей и индивидов, а также форм поколенной преемственности непосредственным образом связан с изучением семейной культуры. У традиционной патриархальной семьи, которая является производственной единицей, жизнедеятельность определяется этническим хозяйственно-культурным типом. Таким образом, все, что касается основных жизнеобеспечивающих занятий и связанной с ними материальной культуры того или иного народа, субэтнической или локальной группы, представляет одновременно и семейную культуру. Семья формирует и упорядочивает свой пространственно-предметный мир. Домашняя среда предоставляет возможности для самосохранения (заботы о здоровье) и рекреации. Наконец, семья не только порождает и воспитывает новых членов общества, но и провожает их в последний путь. Перечень сфер жизнедеятельности семьи, соответствующих ее функциям в различные исторические периоды, может быть продолжен. Для нас в данном случае важно то, что почти все формы социальной жизни так или иначе оказываются ассоциированными с семейной культурой. Это повышает значимость предмета изучения, но чрезвычайно усложняет историографическую работу, а также систематизацию источников.

Семья на Кольском Севере имеет свои отличия. Во-первых, структурно-типологические. Процесс колонизации территории и ее производственная специализация сказались на численном и поколенном составе семьи, гендерных и социо-профессиональных особенностях, взаимосвязях с расширенным родственным и другими сообществами и т.д. Во-вторых, существует этнокультурная специфика, которая связана с традициями аборигенных, старожильческих и мигрировавших групп и их взаимодействиями. Как известно, Кольский Север – территория проживания преимущественно прибалтийско-финских, восточнославянских народов и урбанизированного советского и постсоветского многонационального населения. Последние категории, в свою очередь, представляют определенный тип культуры в его этнорегиональных вариациях. Отсутствие у населения региона каких-либо эндогамных объединений и соответствующих установок по этническому, религиозному или иным принципам приводит к активному смешению, созданию гетероэтнических семей, которые составляют предмет особого интереса. В таких условиях наблюдается многообразие культурных типов семей и формируется большое число различных культурных конфигураций. Очевидно, сама эта ситуация может рассматриваться как характерная для определенных регионов.

Началом исследования, нацеленного на выявление культурного потенциала семей на уровне региона, закономерно является обращение к ретроспективе – анализу данных по семейной культуре аборигенного и старожильческого населения Кольского Севера, как представленных в историко-этнографической литературе. Мы не разделяем иногда все еще бытующее мнение о том, что «цивилизация» на Кольском п-ове создана в XX в. на голом месте. Если понимать под «цивилизацией» только рациональные и технологические достижения индустриальной эпохи, это, по-видимому, так. В таком случае эти достижения неизбежно отделены от «культуры», в том смысле, как это понималось в немецкой и русской интеллектуальных традициях (в отличие

от британской и французской), по критериям социальным (Gesellshaft vs Gemeinshaft) и культурным («бездуховности»/«духовности») [Элиас, 2001], чего, по нашему мнению не должно быть. Перспективнее ставить вопрос иначе: существует ли какая-либо культурная преемственность населения территории на Кольском Севере? Логика подсказывает, что, с одной стороны, ее не может не быть, но, с другой стороны, выявить ее наличие, формы и актуальные возможности очень сложно. Пилотажные локальные исследования, казалось бы, демонстрируют обратное: наличие культурного разрыва. В частности, исследование, проведенное несколько лет назад в Апатитах, показало, что у городских жителей, преимущественно русских, даже школьные знания о саамской культуре весьма фрагментарны, а представления отличаются стереотипностью [Разумова, 2008]. Несмотря на это, эмпирический материал по семейной культуре (или культурам) жителей Мурманской области, который собран и продолжает накапливаться в ЦГП КНЦ РАН, позволяет сформулировать и другие гипотезы.

Региональный ракурс в исследовании семейной культуры прежде всего предполагает ретроспективное изучение этнических традиций народов, населяющих Кольский Север, для чего имеется достаточно обширный круг работ, посвященных этнографии коренного и старожильческого населения края. Даже если оставить за рамками рассмотрения широкий «пласт» сугубо исторических исследований и сосредоточить внимание исключительно на трудах, посвященных жизни и быту населения, получится глубокий историографический обзор. Однако нашей задачей было выделить из этой массы этнографической информации, сведения, касающиеся собственно семейной культуры различных этнических групп.

Саамская семья

В настоящее время историографическую и источниковую базу по этнографии саамов, несмотря на наличие закономерных и неизбежных лакун, можно признать достаточно репрезентативной. Поскольку нас интересуют кольские саамы, основным предметом наших исследований являются преимущественно труды отечественных исследователей и бытописателей. При этом нельзя не обратить внимания на то, что разные стороны семейного быта освещены в литературе неравномерно.

Материалы о семье и семейном быте кольских саамов прежде всего представлены в русской этнографической литературе второй половины XIX в. Классические этнографические труды М.Кастрена, С.В.Максимова, В.И.Немировича-Данченко, работы А.Я.Ефименко по обычному праву саамов и, наконец, основополагающий труд Н.Н.Харузина «Русские лопари» [Харузин, 1890] до сих пор являются ценными источниками по саамской этнографии. Они включают, в первую очередь, описания оленеводческой культуры и связанных с ней особенностей семейного быта, а также демографические данные, сведения о составе и структуре семей в XIX в. и в более ранний период, о правилах наследования, воспитании детей, семейных обрядах. Если исследование Н.Н.Харузина для определенного времени представляет своего рода компендиум по истории, экономике и культуре саамов, то труд А.Я.Ефименко содержит исключительный по полноте материал, касающийся одного аспекта:

обычно-правовых норм регулирования семейных взаимоотношений в традиционной саамской семье. Беллетризованные же книги В.И.Немировича-Данченко создают яркий этнический, культурный образ народа, опирающийся на живые характеристики [Бодрова, 2007].

В целом работы содержат много наблюдений, фактического материала, а также рассуждений авторов о взаимоотношениях в семьях, отчасти бытовых зарисовок, оценок отдельных случаев, мнений окружающего населения. При всей субъективности точек зрения этнографов и их несовпадениях, иногда до противоположности, они до известной степени представляют обобщенный портрет саамской семьи второй половины XIX – начала XX вв., ее жизненный уклад, основанный на сезонном (полукочевом) образе жизни, материальную и обрядовую культуру. Основное место в описаниях материальной культуры отводится жилищу. Большое внимание уделено обрядам жизненного цикла человека (которые принято считать и называть «семейными»), прежде всего, свадьбе, достаточно подробно описаны также родины, меньше и фрагментарно – погребальные практики.

В 1920-1930-е годы усилиями целой группы исследователей и собирателей был зафиксирован обширный этнографический материал по хозяйственному и семейному быту саамов. Рубежным и знаменательным в истории саамской этнографии можно считать 1927 г., когда по инициативе Карельско-Мурманской комиссии Русского Географического общества и при поддержке Колонизационного отдела Мурманской железной дороги, а также Главнауки была организована специальная комплексная экспедиция. Антропологическое и этнографическое обследование выполняли Д.А.Золотарев и В.В.Чарнолуский, медико-гигиеническое – врач Ф.Г.Иванов-Дятлов, местный статистический материал предоставлял В.К.Алымов. Внимание участников экспедиции было сосредоточено на внутренних погостах и преимущественно на саамской культуре восточной части Кольского п-ова [Золотарев, 1927]. Особый интерес представляют материалы врача Ф.Г.Иванова-Дятлова, который обращал внимание на стороны домашней жизни и повседневности, связанные с физическим здоровьем, питанием, гигиеной и пр., и его наблюдения отличаются особой детальностью; например, очень подробно описаны роды, уход за младенцами [Иванов-Дятлов, 1928]. У многих исследователей этого периода не такая благополучная судьба, как у дореволюционных предшественников, тем не менее, многое из их работ к настоящему времени опубликовано. Эти материалы отражают ситуацию первых советских десятилетий, когда быт, язык и культура саамов еще сохраняли традиционность, но уже испытывали достаточно сильное влияние новой социальной реальности. Кардинальные же изменения саамская семья претерпела в результате многочисленных переселений и, особенно, при переводе саамов на оседлость в период коллективизации, что совпало по времени с бурным процессом урбанизации Кольского п-ова, которая сказалась на социальной и семейной организации коренного меньшинства, на языковой и культурной ситуации в целом.

Обобщающие и специальные труды по саамской этнографии, созданные во второй половине XX – начале XXI вв., содержат в себе систематизированные сведения, которые относятся к семейным отношениям и быту, а также ко всему, что связано с традиционной культурой детства (более подробный обзор см. [Пация, Разумова, 2008]). Среди них достойное место занимают работы

обычно-правовых норм регулирования семейных взаимоотношений в традиционной саамской семье. Беллетризованные же книги В.И.Немировича-Данченко создают яркий этнический, культурный образ народа, опирающийся на живые характеристики [Бодрова, 2007].

В целом работы содержат много наблюдений, фактического материала, а также рассуждений авторов о взаимоотношениях в семьях, отчасти бытовых зарисовок, оценок отдельных случаев, мнений окружающего населения. При всей субъективности точек зрения этнографов и их несовпадениях, иногда до противоположности, они до известной степени представляют обобщенный портрет саамской семьи второй половины XIX – начала XX вв., ее жизненный уклад, основанный на сезонном (полукочевом) образе жизни, материальную и обрядовую культуру. Основное место в описаниях материальной культуры отводится жилищу. Большое внимание уделено обрядам жизненного цикла человека (которые принято считать и называть «семейными»), прежде всего, свадьбе, достаточно подробно описаны также родины, меньше и фрагментарно – погребальные практики.

В 1920-1930-е годы усилиями целой группы исследователей и собирателей был зафиксирован обширный этнографический материал по хозяйственному и семейному быту саамов. Рубежным и знаменательным в истории саамской этнографии можно считать 1927 г., когда по инициативе Карельско-Мурманской комиссии Русского Географического общества и при поддержке Колонизационного отдела Мурманской железной дороги, а также Главнауки была организована специальная комплексная экспедиция. Антропологическое и этнографическое обследование выполняли Д.А.Золотарев и В.В.Чарнолуский, медико-гигиеническое – врач Ф.Г.Иванов-Дятлов, местный статистический материал предоставлял В.К.Алымов. Внимание участников экспедиции было сосредоточено на внутренних погостах и преимущественно на саамской культуре восточной части Кольского п-ова [Золотарев, 1927]. Особый интерес представляют материалы врача Ф.Г.Иванова-Дятлова, который обращал внимание на стороны домашней жизни и повседневности, связанные с физическим здоровьем, питанием, гигиеной и пр., и его наблюдения отличаются особой детальностью; например, очень подробно описаны роды, уход за младенцами [Иванов-Дятлов, 1928]. У многих исследователей этого периода не такая благополучная судьба, как у дореволюционных предшественников, тем не менее, многое из их работ к настоящему времени опубликовано. Эти материалы отражают ситуацию первых советских десятилетий, когда быт, язык и культура саамов еще сохраняли традиционность, но уже испытывали достаточно сильное влияние новой социальной реальности. Кардинальные же изменения саамская семья претерпела в результате многочисленных переселений и, особенно, при переводе саамов на оседлость в период коллективизации, что совпало по времени с бурным процессом урбанизации Кольского п-ова, которая сказалась на социальной и семейной организации коренного меньшинства, на языковой и культурной ситуации в целом.

Обобщающие и специальные труды по саамской этнографии, созданные во второй половине XX – начале XXI вв., содержат в себе систематизированные сведения, которые относятся к семейным отношениям и быту, а также ко всему, что связано с традиционной культурой детства (более подробный обзор см. [Пация, Разумова, 2008]). Среди них достойное место занимают работы

Т.В.Лукьянченко по этнической истории и материальной культуре саамов [Лукьянченко, 1971]. Показательный при всей его фрагментарности материал о культурно-бытовых сторонах жизни саамов в советский период, взятый, прежде всего, из пресс-публикаций, а также из архивов, включен в книгу А.А. и Т.А.Киселевых «Советские саамы» [1979]. Достаточно информативен написанный Т.В.Лукьянченко раздел о семье в главе, посвященной саамам, в энциклопедии «Прибалтийско-финские народы России» [Лукьянченко, 2003]. Вместе с тем до настоящего времени отсутствуют специальные аналитические работы, в которых бы рассматривалось функционирование института семьи у саамов, его динамика, а также истории семей на протяжении обозримого периода. Особенно это касается саамской семьи в советский период ее существования.

Одним из приоритетных направлений саамоведения следует признать исследования системы родства. Родственную организацию саамов рассматривают как образец билатеральной системы так называемого «эскимосского типа». Для обществ подобного типа характерна моногамия, преобладание нуклеарной семьи. Организацию родственных отношений западных саамов детально исследовали скандинавские ученые. Номенклатуру родства кольских саамов зафиксировал и проанализировал в 1930-е гг. Н.Н.Волков [1996]. Системе родства кольских саамов на период конца XIX-XX вв. посвящены работы М.С.Куропятник [2002]. В историческом ракурсе исследуются семейно-родственные отношения кольских саамов, структура и состояние их домохозяйств, какими они предстают по сведениям писцовых книг конца XVI-XVII вв. [Кучинский, 2008].

Другие направления, активно разрабатываемые в настоящее время, – социально-экономическое и этнополитическое [Гуцол, 2004; Виноградова, 2008]. В 1995 г. Госкомстатом России в Мурманской области были проведены выборочные обследования условий жизни современных саамских семей в местах их компактного проживания, которые позволяют соотносить этнокультурные характеристики саамских семей с микро- и макроконтекстами их жизнедеятельности [Циркунов, 2000].

Одним из условий корректных этнокультурных исследований является возможность сопоставить разные точки зрения на изучаемую культуру: с позиции внешнего наблюдателя и с позиции самого носителя культуры. Поэтому огромную ценность имеют автоописания традиций их образованными представителями. Разумеется, когда речь идет о малочисленном северном народе, количественные характеристики «внешних» описаний и автоописаний несоизмеримы. Тем ценнее в этнографическом отношении такие источники, как книга Н.Н.Большаковой «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем» [Большакова, 2005]. Они расширяют возможности понимания внутреннего мира саамской культуры и саамской семьи.

Поморская семья (Терский и Кандалакшский берега Белого моря)

Старожилы Кольского п-ова – русские поморы, с одной стороны, являются прямыми этническими «родственниками» большинства современного населения. В первую очередь это касается языка, а также менталитета, этнической стереотипии поведения, определенных черт материальной культуры

и ряда других особенностей. С другой стороны, их хозяйственно-культурный тип отличается от основного традиционного русского настолько, что для помора русская земледельческая деревня предстает едва ли не экзотической в сравнении, например, с саамским рыболовецким поселением. Сложность методологического характера заключается в том, что поморский ареал Кольского Севера является частью относительно цельного этнокультурного образования – Поморья, население которого обладает выраженными общими признаками, единым традиционно-бытовым комплексом. В настоящее время мы располагаем историко-этнографическими трудами, в которых с разной степенью обстоятельности рассматривается культура поморов, в том числе Терского и Кандалакшского берегов Белого моря. Наиболее авторитетны работы Т.А.Бернштам [1978б; 1983], в которых проанализирован не только хозяйственно-культурный облик группы, но и ритуально-праздничные комплексы, а также особенности социализации молодежи. Поморская культура рассмотрена в контексте севернорусской с учетом общего и особенного в них, и одновременно выявлен ряд специфических отличий в материальной и обрядовой культуре поморов разных берегов. При описании материальной культуры основательно и детально выполнен анализ жилищного комплекса, а из обрядов исключительное внимание уделяется свадьбе. Очень ценными являются наблюдения, касающиеся брачного возраста, добрачного поведения молодежи и брачных установок поморских семей. Свадебный обряд анализируется очень подробно, на основании полевых и архивных данных, со всеми локальными вариациями [Бернштам, 1983, с.118-140]. По мнению Т.А.Бернштам, родильные, крестильные и похоронные обряды значительно уступали по развитости свадебным, и «выявление их специфики в поморском регионе возможно только на севернорусском фоне» [Там же, 1983, с.140]. Как нам представляется, дело еще и в репрезентативности этнографических данных, и в интересе исследователей. Поморская свадьба – один из самых привлекательных сюжетов для этнографов и фольклористов, что соответствует общим предпочтениям этнографической науки. Традиции Терского и Кандалакшского берегов занимают в описаниях этого обряда достойное место [Верещагин, 1848; Балашов, 1969; Бернштам, 1978а; Бернштам, Лапин, 1974].

В функциональном и структурном отношениях, по распределению власти и семейных ролей поморская семья была патриархальной, по крайней мере, в большинстве случаев (70%) [Бернштам, 1983, с.99]. Т.А.Бернштам установила, что значительную роль в организации промыслового хозяйства играла семейная артель, которая «являлась в Поморье первичной, элементарной производящей и потребительской единицей во всех речных и во многих морских рыбных промыслах, а в некоторых случаях – в морском зверобойном промысле, солеварении и в сельском хозяйстве. Широкое распространение семейных артелей в Поморье было следствием повсеместного существования здесь «большой семьи», представлявшей естественную форму производственного коллектива [Бернштам, 1978б, с.150], «функции, структура и самоуправление такой артели соответствовали внутрисемейным отношениям большой семьи» [Там же, 1978б, с.153-154]. Особое значение имел семейный лов на Терском берегу, поскольку он занимал там продолжительный осенний период, и жители «уходили на него всей общиной (селением), забирая с собой скот и домашнее имущество. Каждая семейная артель имела там промысловую избу, в которой протекала одновременно ее семейная и активная производственная жизнь. Эта

хозяйственная особенность наложила отпечаток на общественную жизнь населения данных местностей» [Там же, 1978б, с.154]. Историко-этнографические данные, касающиеся организации, времени существования, распространения семейных артелей, свидетельствуют о высокой адаптивности поморских семейно-родственных производственных объединений.

Прямая зависимость выживания от успешности промыслов определяла не просто уровень благосостояния, но и экономическую культуру семей в целом, связанную с периодами возвышения и упадка тех или иных поселений и «фамилий» [Ушаков, 1998]. Динамика этой культуры, в свою очередь, обусловлена целым рядом социально-экономических и природно-экологических факторов. Так, в первой трети XX в., когда «дары моря» начали иссякать, и снизилось значение рыбных и зверобойных промыслов, поморы отчасти переориентировались на оленеводство, заимствованное от саамов, и стали постепенно приобщаться к огородничеству, не говоря уже о переходе к видам деятельности несельскохозяйственного профиля [Алымов, 1929].

К сожалению, большинство аспектов функционирования поморской семьи и динамики семейного быта в XX – начале XXI вв. остаются неосвещенными. Описывая традиционную семью поморов, нередко историки и бытописатели ограничиваются общей характеристикой семьи патриархального типа: «Домашний склад жизни поморов носит патриархальный характер. Вся семья от мала до велика подчинена старейшему в семье. Если в семье два-три женатых брата и родители их живы, то родители и распоряжаются, и заведуют хозяйством, они же руководят работами домочадцев. Если такая семья живет дружно и не «делится», она пользуется большим уважением односельчан, да и окружных деревень, и всегда зажиточна, если не богата» [Попов, 1910, с.41]. Идеализированный (даже фольклоризованный) образ поморской семьи воплощается в журналистской риторике: «Хорошая, крепкая семья – была большим подспорьем в жизни поморов. Когда все ладится, и дети к работе тянутся. С ранних лет проходили они отцовскую науку: как хозяйством править, как с морем ладить» [Яковенко, 1985, с.36].

Как и в трудах по этнографии саамов, в исследованиях поморской материальной культуры основное внимание уделяется жилищу. Семья и дом (и как жилищный комплекс, и как концепт) – взаимообусловленные этнокультурные феномены. В русских (подчеркнем это) описаниях поморского быта, научно-этнографических или беллетристических, они обусловливают друг друга. Поморский дом – ключевой символ поморской культуры и поморской семьи, их характеристики сходны по семантике. В описаниях дома, относятся они к позапрошлому веку или рубежу XX-XXI вв., подчеркиваются стабильность, «крепость», благосостояние, порядок – в значениях и чистоты, и упорядоченности. Это собственно «дом», отличающийся от «избы» – жилища земледельцев, особенно средней и южной России: «Внешний вид рыбацкого селения производит впечатление зажиточности и не может идти в сравнение с сельским видом, напр., в центральной России. Все постройки, правда, сплошь деревянные, крыты тесом и только изредка железом; но здешняя изба похожа скорее на дом и часто имеет две-три и больше комнат <...>. Везде на каждые два дома, даже чаще, приходится баня» [Никольский, 1927, с.29]. По мнению наблюдателя начала XX в., поморы «заботятся, главным образом, о том, чтобы все необходимое в их жизни было прочно, чисто, удобно» [Попов, 1910, с.45]. Даже в кризисные исторические периоды, судя по большинству этнографических

описаний, в поморских домах сохранялись порядок, чистота, достоинство [Ушаков, 1998, с.33]. Обстановка жилища поморской семьи в 1921 г., по мнению исследователя, свидетельствует о «культурных привычках» населения: «В самой обыкновенной избе, обставленной с самой скромной простотой, все, однако, имеет такой вид, как будто бы хозяева приготовились к встрече большого праздника: стены чистые, полы тщательно вымыты и покрыты дорожками, столы и лавки блестят чистотой. Попадаются нередко и признаки комфорта, в виде мягкой мебели» [Никольский, 1927, с.29]. Впечатления этнографа в 1960-е гг. точно такие же: «Северяне любят чистоту так, как это даже трудно себе представить. Достаточно сказать, что не только крыльцо, но и мостки, ведущие от крыльца к калитке, в поморских деревнях хозяйки моют ежедневно, причем скребут ножом до белого цвета. На эти скобленые мостки с непривычки даже как-то неудобно ступать» [Балашов, 1969, с.256].

Усилиями более писателей и журналистов, а не профессиональных этнографов или этносоциологов, создан культурный образ Терского берега как «заповедника народного искусства». Этому способствовало углубленное изучение фольклорных традиций, хорошо развитых в Поморье. Сформировался стереотип этнографического описания поморской культуры: «На этом побережьи сохранились старинные обычаи, сказания, песни. И язык здешних поморов удивительно своеобразный и образный. В Умбе доживает последний известный сказочник…» [Рихтер, 1929, с.45]; «Долгие зимние вечера, когда рыбаки плели сети, артели лесорубов коротали время в землянках, а женщины «на посидках» пряли, вязали, – располагали к долгим и спокойным старинам, напевавшимся сольно и хором. <…>. И сейчас еще в Варзуге без пословицы и слова не молвится, а без песни никакое дело не делается» [Яковенко, 1985, с.105]. Чтобы не лишать терчан свойства «цивилизованности», в описании их быта конца XX в. автор подчеркивает совмещение старинного и современного: «архаичные сарафаны и жакеты в Варзуге так же естественны, как и современные платья и пальто. В древних избах одинаково в почете:и старая утварь, и новая бытовая техника» [Яковенко, 1985, с.107]. Очевидно, что для понимания культурно-бытовых особенностей современной поморской семьи этого недостаточно. Попытка приблизиться к более глубокому пониманию была нами предпринята в ходе пилотажного социально-антропологического исследования в селе Чаваньга [Пация, Разумова, 2007], результаты которого побуждают к дальнейшей работе в этом направлении.

Колонисты и переселенцы

В последней трети XIX в. этническая ситуация на Кольском Севере заметно изменилась. Это связано, во-первых, с интенсификацией процесса колонизации Мурманского берега, во-вторых, с переселением на полуостров ижемских коми, которые существенно повлияли на хозяйственно-бытовой уклад аборигенного населения. Каждый из этих процессов заслуживает специального рассмотрения в аспекте нашей темы, в каждом случае возникают самостоятельные исследовательские сюжеты. При этом история всех переселенческих групп может быть объединена проблемой их поэтапной адаптации к жизни в новых условиях и к меняющейся социальной реальности, тем более, что историографическая и источниковая базы позволяют это сделать. Предмет нашего внимания –

соотношение данного процесса с историей семей, адаптивный потенциал разных категорий семей в ситуации обустройства и закрепления на новом месте, семейные культурные (адаптивные) стратегии и практики.

Согласно историко-этнографическим исследованиям, опыт в высшей степени успешной адаптации представляют семьи ижемских коми, поселившиеся на Кольском п-ове в 1880-х гг. В хорошо документированных и теоретически основательных трудах ученых Республики Коми проанализированы факторы адаптации ижемцев, стереотипы освоения ими новых территорий, тактики переселения и обустройства, история взаимоотношений с народами-соседями (в нашем случае – с саамами) [Жеребцов, 1982, с.195-205; Конаков, Котов, 1991]. Одним из самых важных факторов адаптации являлся семейный. Ижемских коми отличали оптимальные с точки зрения потребностей переселенцев в определенных условиях тип, состав и структура семей, формы взаимоотношений (в том числе родственная солидарность), культурные традиции, социальная активность членов семей. Несмотря на немногочисленность исследований, наиболее высокого уровня анализ и осмысление вопросов, связанных с семейными адаптивными ресурсами, достигают именно в отношении коми-ижемских семей.

В последние годы достаточно интенсивно и с разных точек зрения изучаются вопросы колонизации Мурманского берега. Благодаря трудам историков Мурманска, Архангельска, Санкт-Петербурга в историографии колонизационного процесса на Мурмане хорошо разработаны вопросы политические, юридические, экономические, этнические. Достаточно подробно были освещены судьбы финских и норвежских колонистов, норвежская колонизация Мурмана, взаимоотношения колонистов с саамским населением и ряд других тем в работах Р.А.Давыдова, А.А.Киселева, В.И.Коротаева, Е.А.Ореховой, А.К.Порцеля, В.Я.Шашкова, Т.А.Шрадер, А.Ю.Юрченко и других исследователей (историографический обзор см. [Орехова, 2008]). Колонизация (норвежская, финляндская, русская поморская) осуществлялась как индивидуально, так и семьями, причем многим колонистам приходилось по несколько раз менять место жительства, обустраиваться заново и т.д. Экономические аспекты адаптации были тесно связаны с взаимоотношениями на поселенческом уровне: мирными или конфликтными. Культурные же контексты функционирования семьи определялись миграционной, этноязыковой и религиозной ситуациями. В частности, очень показательны данные источников, позволяющие сравнить семьи лютеран и православных в отношении образовательных стратегий и практик. Они убедительно свидетельствуют, что забота о школьном образовании детей положительно отличала лютеранские семьи (финские и норвежские) от русско-поморских [Орехова, 2006; 2007].

Этнографические источники, содержащие информацию о быте колонистов, по целевому назначению и жанру нередко относятся к литературе путешествий или представляют «путеводители», включающие описание средств и обстоятельств передвижения, картин природы и жизни колонистов [Островский, 1898; Энгельмейер, 1902 и др.]. При всей фрагментарности путевых заметок они значительно выигрывают от того, что передают живые детали, впечатления наблюдателя от тех или иных сторонах этнографической реальности, прежде всего, домашнего быта, образа жизни переселенцев. Субъективные оценки и интерпретации также очень ценны, особенно в ситуации, когда объектом наблюдения оказываются представители разных культур: «На острове Кильдине, у бухты Монастырской находится единственное

жилье. Это усадьба некоего норвежца Эриксона, поселившегося здесь для морских промыслов. Он живет тут со своим семейством круглый год. Ездит иногда в гости к соседним норвежцам. Каково такое существование, можно себе вообразить <…>. Надо быть именно закаленным, сильным, бодрым норвежцем, чтобы поселиться в такой пустыне. Говорят, этот колонист имеет субсидию от русского правительства» [Энгельмейер, 1902, с.78].

История семей колонистов может быть прослежена достаточно подробно, в том числе на уровне индивидуальных биографий. Ключевое место в ней занимает «миграционный сюжет», который включает обстоятельства жизни на территории выезда, причины и тактики переезда, организацию жизни и быта на новом месте, выезд или адаптацию и последующие судьбы потомков переселенцев. Исключительно ценную информацию, касающуюся первых этапов этой истории, содержат материалы статистического описания Мурмана, осуществленного в 1899 г. [Материалы .., 1902; 1903]. Исследование проводилось в течение 2.5 мес. группой исследователей по программе, целью которой было «обнять чуть не все стороны промысловой и колониальной жизни от гидротехники гаваней до нравов и обычаев населения включительно». Государственное значение таких предприятий обычно связано с изучением экономического потенциала территории, фактические же результаты гораздо шире. В данном случае были описаны все населенные пункты и их жители (семьи) по комплексу показателей, что позволяет делать выводы относительно численности, состава и типов семей, обстоятельств переселения, вариантов хозяйственного уклада, бытовых условий, экономической эффективности деятельности, культурного уровня, включая показатель грамотности. В качестве примера приведем фрагмент описания колонии Тюва-губа Кольско-Лопарской волости Териберского общества: «Первым поселился в Тюве-губе норвежец с семьей. Проживал в землянке на левой стороне губы. Спустя несколько лет он переселился в Цып-Наволок. После него здесь жил одно лето кольский мещанин Демьян Харчев с женой, они промышляли здесь семгу, построили деревянный домик, но на зиму перешли в Колу. После Харчева в 1893 г. пришел сюда с семьей финляндец Вейсанен из Большой Западной Лицы; построив здесь землянку. Прожил в ней 4 года, пока не выстроил деревянный дом» [Материалы .., 1902, с.197].

Второе статистико-экономическое обследование Мурмана было осуществлено в 1920-1922 гг. благодаря деятельности Северной научно-промысловой экспедиции. Проводились ревизия состояния промыслов и сплошная похозяйственная перепись [Воленс, 1921; 1926]. Данные сопоставлялись с результатами двадцатилетней давности. Выявилась, например, динамика размеров хозяйствующих семей [Воленс, 1921, с.11], и установлено, что «для западных колоний характерно большее развитие семейной формы» [Там же, с.19]. В материалах содержится информация о типах хозяйств, жилых построек на Западном и Восточном Мурмане, сведения об этнической ситуации на побережье (ассимиляционном процессе), общей «культурности» разных категорий жителей и т.п. В частности, автор указал на «одичание» Западного Мурмана, особенно финской части населения, вследствие его культурной оторванности от привычной среды и правительственного отношения к иноязычной школе [Воленс, 1926, с.16-17].

Жизненные траектории переселенческих семей складывались под влиянием ряда специфических факторов, внешних и внутренних. Существенную роль играла хозяйственная адаптивность семей, которая позволяла или не позволяла занимать свою экономическую нишу и обустраиваться на Мурманском побережье. Следует признать важными факторами этнокультурные особенности семей, темпы и направленность ассимиляционного процесса. К важнейшим внешним факторам относится социально-трансформационный. Однако прежде всего на судьбы семейно-родственных групп повлияли этнополитические обстоятельства, связанные с государственно-административными мерами российского и советского правительств в отношении «инонационалов». Политика умеренного протекционизма сменилась политикой их вытеснения, а позже закончилась для многих депортацией и репрессиями.

Работу Лопарской экспедиции 1927 года на Западном Мурмане в 1928 г. продолжал антрополого-этнографический отряд Кольской экспедиции Академии наук СССР, РГО и Института изучения Севера под руководством Д.А.Золотарева [1930]. К важным результатам можно отнести наблюдения и выводы, касающиеся трансформационных процессов в саамской культуре и хозяйственно-бытовом укладе семей, а также общей этнокультурной динамики в данном ареале. Однако главный, на наш взгляд, вывод, который можно сделать на основании этого и других исследований 1920-х гг., имеет методологический характер. Этнографические материалы демонстрируют, что основной единицей изучения становятся не этнические, а поселенческие общности, в большинстве своем полиэтнические. Именно в них формируется особая микросреда, в которой функционирует семья.

Литература

Алымов В. Оленеводство у русского населения Терского берега / В.Алымов // Карело-Мурманский край. 1929. № 4-5. С.31-34.

Балашов Д.М. Терский берег / Д.М.Балашов // Молодая гвардия. 1969. № 8. С.252-268.

Балашов Д. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря / Д.Балашов, Ю.Красовская. Л., 1969.

Бернштам Т.А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. / Т.А.Бернштам // Русский народный свадебный обряд. Л., 1978а.

Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства / Т.А.Бернштам. Л., 1978б.

Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: Этнографические очерки / Т.А.Бернштам. Л., 1983.

Бернштам Т.А. Поморы Кандалакшского и Терского берегов Белого моря / Т.А.Бернштам, В.А.Лапин // Новое в антропологических и этнографических исследованиях (итоги полевых работ в 1972 г.). Ч.1. М., 1974. С.16-26.

Бодрова О.А. Саамы глазами В.И. Немировича-Данченко. К проблеме специфики этнографического описания / О.А.Бодрова // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, XXI в. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2007. С.135-146.

Большакова Н.Н. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем / Н.Н.Большакова. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 2005.

Верещагин В. Свадебные обряды в Беломорье.1. Свадьба на Терском берегу / В.Верещагин // Иллюстрация. 1848. Т.6. № 13. С.195-198.

Виноградова С.Н. Общины коренных малочисленных народов Севера на территории Мурманской области: проблемы и перспективы / С.Н.Виноградова // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2008. С.15-24.

Воленс Н.В. Колонисты Мурмана и их хозяйство / Н.В.Воленс // Труды НИИ по изучению Севера. – М., 1926. 111 с.

Воленс Н.В. Работы экономического отряда на Мурмане летом 1920 года. Предварительный отчет / Н.В.Воленс. СПб.: Гос. изд-во, 1921. 80 с.

Волков Н.Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / Н.Н.Волков. Каутокейно-СПб., 1996.

Гуцол Н.Н. Современное экономическое положение кольских саамов как результат социально-экономических трансформаций 1990-х годов / Н.Н.Гуцол, Л.А.Рябова, С.Н.Виноградова // Этнокультурные процессы на Кольском Севере: сб. статей. МЦНКО КНЦ РАН. Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 2004. С.22-38.

Жеребцов И.Л. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами / И.Л.Жеребцов. М.: Наука, 1982.

Золотарев Д.А. Лопарская экспедиция (11.01-11.05 1927 г.) / Д.А.Золотарев. Л.: Изд. Российского географического общества, 1927.

Золотарев Д.А. На Западно-Мурманском побережье летом 1928 г.: Кольский сборник / Д.А.Золотарев // Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Л.: Изд-во АН, 1930. Вып.23. С.1-21.

Иванов-Дятлов Ф.Г. Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января – 11 мая 1927 г.) / Ф.Г.Иванов-Дятлов. М., 1928.

Киселев А.А. Советские саамы: история, экономика, культура / А.А.Киселев, Т.А.Киселева. Мурманск, 1979.

Клецин А.А. Очерк истории социологии семьи в России (конец XIX – XX вв.) / А.А.Клецин. СПб., 2000.

Конаков Н.Д. Этноареальные группы коми: формирование и современное культурное состояние / Н.Д.Конаков, О.В.Котов. М.: Наука, 1991.

Куропятник М.С. Билатеральный счет родства и этносоциология саамов / М.С.Куропятник // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб.: Изд. РЭМ, 2002. С.87-101.

Кучинский М.Г. Саами Кольского уезда в XVI-XVII веках. Модель социальной структуры / М.Г.Кучинский // Diedut, 2008. № 2. Каутокейно, 2008.

Лапин В.А. «Холостые» и «женатые кружки» в терско-кандалакшской свадебной традиции / В.А.Лапин // Русский народный свадебный обряд: Материалы и исследования. Л., 1978. С.232-246.

Лукьянченко Т.В. Материальная культура саамов (лопарей) Кольского полуострова в конце X1X – XX вв. / Т.В.Лукьянченко. М., 1971.

Лукьянченко Т.В. Семья и обряды жизненного цикла / Т.В.Лукьянченко // Прибалтийско-финские народы России / под ред. Е.И.Клементьева, Н.В.Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии им.Н.Н.Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С.108-117.

Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т.2. Вып.1. Описание колоний Восточного берега и Кольской губы. СПб., 1902.

Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т.2. Вып.2. Описание колоний на западе от Кольской губы до границ Норвегии. СПб., 1903.

Никольский Вс.В. Быт и промыслы населения Западного побережья Белого моря (Сороки – Кандалакша): по материалам исследования летом 1921 года / Вс.В.Никольский. М., Изд. научно-технического управления ВСНХ, 1927.

Орехова Е.А. К вопросу о колонизации Мурманского берега в конце XIX – начале XX вв. Обзор религиозной ситуации в колониях Мурманского берега / Е.А.Орехова // IV Ушаковские чтения: сб. ст. / под ред. П.В.Федорова. Мурманск: МГПУ, 2007. С.41-48.

Орехова Е.А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX вв.: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Е.А.Орехова. СПб., 2008.

Орехова Е.А. Школьное образование в колониях Мурманского берега в конце XIX в. / Е.А.Орехова // III Ушаковские чтения: сб. ст. / под ред. А.В.Воронина. Мурманск: МГПУ, 2006. С.64-69.

Орлова Э.А. Семья в условиях социокультурной модернизации российского общества / Э.А.Орлова // Семья в России, 1998. № 1. С.41-52.

Островский Д.Н. Путеводитель по Северу России (Архангельск, Белое море, Соловецкий монастырь, Мурманский берег, Новая Земля, Печора) / Д.Н.Островский. СПб., 1898. 146 с. (13 л. карт и планов).

Пация Е.Я. Поморское село: снова на переломе времен / Е.Я.Пация, И.А.Разумова // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С.41-56.

Пация Е.Я. Саамская семья (кольские саамы) / Е.Я.Пация, И.А.Разумова // Российская семья. Энциклопедия. М.: РГСУ, 2008. С.311-326.

Попов А. Домашняя жизнь, нравы и некоторые обычаи поморов / А.Попов // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, 1910. № 24. С.41-45.

Разумова И.А. «Аборигены» и «мигранты»: проблемы аккультурации и культурной дистанции коренного и городского населения Крайнего Севера / И.А.Разумова // Народные культуры Европейского Севера: материалы респ. науч. конф. Архангельск: ПГУ, 2008. С.28-33.

Рихтер З. По Лапландии / З.Рихтер. М., 1929. С.46.

Ушаков И. Варзуга. Поступь веков / И.Ушаков // Наука и бизнес на Мурмане. 1998, № 6(11). С.17-46.

Харузин Н.Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта / Н.Н.Харузин. М., 1890.

Циркунов И.Б. Социально-экономическая характеристика семей саами / И.Б.Циркунов // Наука и бизнес на Мурмане. 2000. № 4. С.31-37.

Элиас Н. О процессе цивилизации Т.1-2 / Н.Элиас. М.: Университетская книга, 2001.

Энгельмейер А. По Русскому и Скандинавскому Северу: Путевые воспоминания. В 4 ч. М.: Тип. Т.Лисснера и А.Гешеля, 1902. XIV. 210 с.

Яковенко Н.Г. Терский берег / Н.Г.Яковенко. Мурманск: Мурм. кн. изд-во, 1985.

Ясевич З. Современная семья как предмет этнографических исследований / З.Ясевич // Традиции в современном обществе. М., 1990. С.201-207.

The family and its culture: an Investigation in Seven East and West European countries / ed. by M.Biskup et al. // For the Europ. Coordinat. Centre for Res. and Document. in Social Sci. Budapest, 1987.